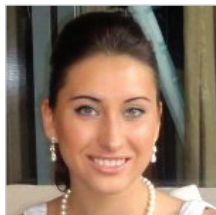

**Алексей
Подберезкин**

**Ольга
Подберезкина**

РОЛЬ РОССИИ В РАЗВИТИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Алексей Иванович Подберезкин — д.ист. н., проректор МГИМО (У) МИД РФ по научной работе, профессор. В 1979 году окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР. В 1981–1985 — референт — руководитель группы научных консультантов Комитета молодежных организаций (КМО) СССР; в 1985–1990 — старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и Дипломатической академии МИД СССР. В 1995 году был избран депутатом Государственной думы РФ, являлся заместителем председателя Комитета по международным делам.

Электронная почта: podberezkin@gmail.com

Ольга Алексеевна Подберезкина — аспирант МГИМО (У) МИД РФ. Закончила магистратуру МГИМО (У) по направлению «мировая политика». Автор и соавтор ряда статей по евразийской интеграции, развитию Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Электронная почта: podberezkina.olga@yandex.ru

Россия обладает таким важнейшим конкурентным преимуществом, как центральное геополитическое положение в Евразии. Это преимущество появилось отнюдь не само по себе: веками русские настойчиво продвигались с запада на восток Евразии, осваивая все новые и новые территории, пока не дошли до берегов Тихого океана и даже пересекли его, основав поселения на Аляске и в Калифорнии.

Сегодня эта историческая заслуга российского народа предоставляет ему исключительные возможности и преимущества стать реальным мостом и кратчайшим путем из Европы в быстро развивающиеся страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). И речь идет не только о транспортных коридорах, но и о цивилизационном значении, когда разные культуры и системы ценностей можно синтезировать, избежав противостояния Запада и Востока. Этот опыт имеет колоссальное значение в период, когда международные отношения переходят на новый виток развития.

Как небезосновательно отмечал в свое время З. Бжезинский, «Евразия является «шахматной доской», на которой ведется борьба за мировое господство, и такая борьба затрагивает геостратегию — стратегическое управление геополитическими интересами» (Бжезинский, 1998).

Таким образом, можно полагать, что:

- во-первых, контроль над Евразией предопределяет будущую военно-политическую и экономическую ситуацию в мире;
- во-вторых, великие державы будут всегда претендовать на этот контроль и на то, чтобы стать такими «центрами» евразийской интеграции;
- в-третьих, фактически Соединенные Штаты являются сегодня таким центром, контролируя не только Западную, Центральную и Восточную Европу, но и ряд стран и регионов Центральной Азии, а также во многом Южную и Юго-Восточную Азию;
- в-четвертых, неизбежны нарастающее противоречие и вероятный конфликт из-за такого контроля с США других великих евразийских держав, прежде всего Китая и России, а в перспективе — Индии;
- в-пятых, рассуждения о формировании различных центров силы в Евразии, как и стремление отдельных государств создать «множественность» таких центров силы, бесперспективны и даже наивны, независимо от мотивов и намерений стоящих за ними политиков. Вероятно, балансируя между претендующими на доминирующее положение в Евразии великими державами, они пытаются выторговать себе более выгодные условия и преференции.

Сегодня контроль над Евразией фактически находится у США, которые с помощью союзников по НАТО отнесли весь регион к зоне своей ответственности, но уже очевидно, что Китай, Россия и Индия претендуют на свою роль в этом процессе.

К сожалению, у значительной части экспертов и политиков из постсоветских государств существуют явные и мнимые опасения относительно имперского подхода России к евразийской интеграции. Это, безусловно, будет использоваться для придания интеграции утилитарно-упрощенного, неидеологического характера.

Об этом, например, ясно говорит казахстанский эксперт Алмат Тоекин: «... в плане развития Россией интеграционных процессов на постсоветском пространстве, на мой взгляд, неправильно и недальновидно будет объединение вокруг только одного центра, как это было ранее... В оценке таких шагов нашего союзника — России я встаю на сторону... казахстанских политологов и общественных деятелей... высказывающихся против подобного союза с Россией. Понятно, что у РФ есть множество рычагов, которые она использует или может использовать в отношении Беларуси, Казахстана и других потенциальных кандидатов на участие в интеграционных процессах» (Парамонов, 2012).

В этих рассуждениях казахстанского эксперта много допущений, суть которых сводится к простой формуле: будущий евразийский союз не должен ограничивать национальных суверенитетов, являясь, по сути дела, коммерческим проектом, где все будет зависеть от экономической выгоды.

Между тем любой союз, конфедерация или даже ассоциация государств предполагают не только экономическое, но и политическое, военное, финансово-банковское, гуманитарное сотрудничество, которое так или иначе ограничивает национальные суверенитеты. Даже неучастие в союзе уже накладывает определенные ограничения на внешнеполитическое поведение государств.

Более того, если говорить об интеграции (даже только экономической), то придется задуматься о делегировании части суверенитета и формировании механизмов и органов, которые по сути своей уже будут наднациональными и «надсуверенными». Опыт развития Евросоюза, кстати, свидетельствует о том, что процесс делегирования части суверенитета и формирования наднациональных органов неизбежен. Этот процесс, вероятно, будет протекать противоречиво, однако в результате, как мы видим на примере Евросоюза, сформируется конфедерация, которая стала реальностью после Лиссабонского саммита 2010 года.

Этому объективному процессу масштабной евразийской интеграции вряд ли что-то может всерьез противостоять. По сути речь идет только об одном — в каком направлении он будет проходить. Либо, как сегодня, под контролем США, которые неизбежно будут усиливаться от Юго-Восточной Азии до Антарктики. Либо под контролем Китая, создающего свой, «Великокитайский евразийский союз». Либо под контролем России (и, возможно, Индии), которая сможет объединить евразийские державы.

Хотим мы того или нет, но нам придется ясно ответить на вопрос: будущий Евразийский союз будет моноцентричным или полицентричным? Сегодня на этот счет, как видим, даже среди ближайших союзников России в Казахстане и Беларуси существуют разные мнения.

Евразийская идея может стать консолидирующей не только для россиян (что в многонациональной России с ее проблемами уже немало), но и для всего постсоветского пространства. Пока же российская правящая элита все еще оперирует критериями «качества жизни», подразумевая улучшение материального достатка. Что для граждан России уже мало.

Как показывает история последних десятилетий, без объединяющей сверхидеи ясной самоидентификации (которой могла бы стать евразийская интеграция) нация начинает деградировать, стремительно теряя свой национальный человеческий капитал (НЧК). Даже позитивные изменения в экономике и качестве жизни не меняют этой закономерности, хотя власть продолжает апеллировать только к этой категории. Более того, улучшение материального благополучия иногда даже негативно сказывается на социальном ощущении и чувстве безопасности граждан. Это видно, например, из следующих соцпросов, которые иллюстрируют падение значения личных профессиональных качеств и творчества в социальной иерархии (Бойков, 2012).

Факторы	1987	2003	2006	2009	2011
Владение деньгами, материальными ценностями	35.8	45.6	50.7	51.5	53.6
Обладание властью или доступ к ней	–	38.1	35.4	36.3	37.3
Авторитет, определяемый служебным положением	–	21.2	21	25.9	33
Личные достижения в образовании, профессиональной подготовке и др.	29	23.2	20.9	25.2	22.6
Социальное положение семьи, родственные связи	24.4	23.6	25	24.5	22.1
Личные качества людей (привлекательность, ум, сила и др.)	58.5	16	18.2	22	21.5

Таблица 1. Оценки факторов обеспечения социального положения и престижа человека в обществе, %

Как видно, факторы материального обеспечения все больше усиливаются за счет факторов, определяющих качество человеческого потенциала. С этим связано и социальное самочувствие граждан, из чего, собственно говоря, и формируется нация и ее потенциал. У нации нет сверхидеи и, как следствие, стимулов для развития НЧК, который, в свою очередь, является главным потенциалом национального развития. Применительно к России ситуация усугубляется тем, что ее национальные меньшинства не могут вписаться в российскую идентичность, создавая свои сообщества, в том числе и на коренных землях русских. Другая сторона проблемы отсутствия общественной идеи — рост тревожности среди граждан, которая охватила абсолютное большинство населения (Бойков, 2012). Другой стороной этого процесса является отсутствие перспективы, цели национального развития. Это четкое ощущение от политики элиты, которая хаотично и бессистемно декларирует разные приоритеты.

Сегодня консенсуса о «национальном предназначении» нет, преобладают разновекторные представления. Но примечательно: из года в год соцопросы подтверждают, что большинство граждан России видят ее как государство, которое развивается по самостоятельному вектору, не схожему ни с какой другой страной (см. рисунок 1). Опрос ВЦИОМ, проведенный в июне 2012 года, подтвердил этот тренд (Сидибее, 2012).

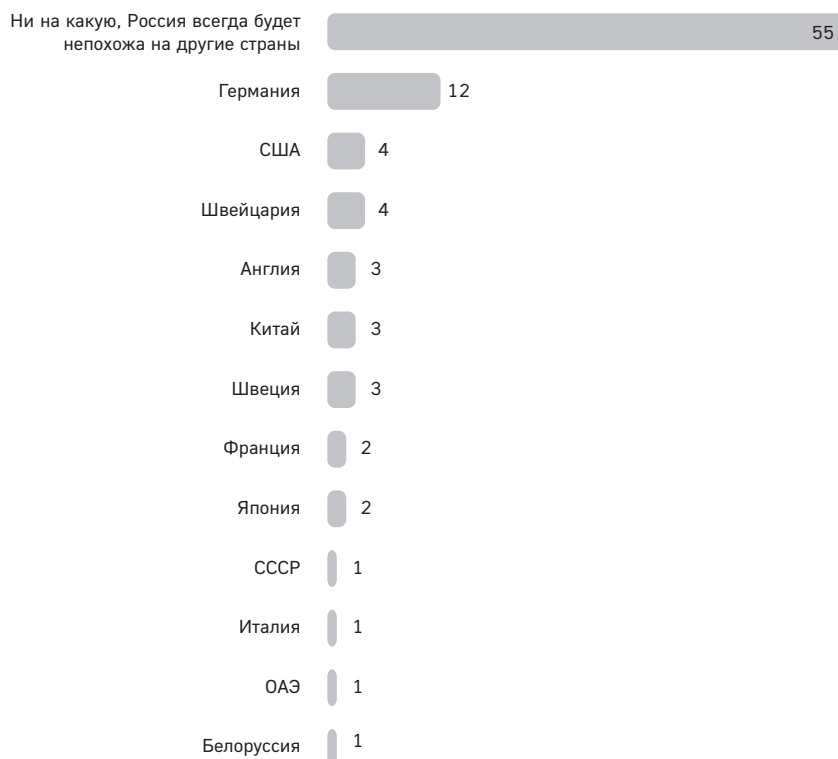
На процессах внутри России в 90-е годы не могло не сказаться влияние извне, прежде всего тех либеральных ученых и политиков, ко-

Варианты ответа	1993	1998	2001	2003	2006	2007	2011
Очень тревожит	32.3	77.1	57.6	54.2	45.6	32.2	39.9
Скорее тревожит	48.8	18.1	33.9	26.4	32.7	38	45.5
Мало или совсем не тревожит	15	2.6	5.1	10.8	14.1	24.2	11
Затруднились ответить	4.7	2.2	3.4	8.6	7.6	5.6	3.6

Таблица 2. Распространенность тревог по поводу неопределенности будущего, %

Рисунок 1. На какую страну/страны вы хотели бы видеть похожей Россию? (Открытый вопрос, не более трех вариантов)

Источник: ВЦИОМ

торые выступали с идеями «размягчения суверенитета» или даже его ограничения.

Примечательно, что, во-первых, это оказалось долгосрочной, стратегической тенденцией в политике США, которой пытаются придать «универсальный» характер. Во-вторых, этот «универсализм» — выборочный. Он не относится, например, к самим США, Китаю, Индии, ряду других стран.

«Всемирная демократическая волна» начала 90-х годов поднималась параллельно с разработкой в Вашингтоне доктрины «расширения демократии» (1993), которая предусматривала активное участие США в политических процессах внутри бывших социалистических стран. В отсутствие «железного занавеса» те приветствовали стремление западных стран включиться в управление преобразованиями, не протестуя и не считая происходившее вмешательством в свои внутренние дела. Возник феномен «размягчения суверенитета» на востоке Европы» (Богатуров, 2004).

Самоидентификация, которая до сих пор окончательно не произошла в России, сказывается непосредственно и на отношении по всем другим проблемам — от формирования внешнеполитической стра-

тегии до, казалось бы, частного вопроса — отношению к валютному курсу да и самой национальной валюте. Так, с одной стороны, весь мировой опыт «свидетельствует, что необоснованная отмена валютных ограничений, тренд на выравнивание структуры внутренних цен с мировыми и искусственное завышение курса национальной валюты почти всегда и везде ведут не к повышению ее международного статуса и экономическому процветанию, а к долговому кризису и обвальной девальвации. Исключений не бывает. Аргентина в 2001 году, Россия в 1998-м и 2008-м, США в 2007-м и еврозона в 2012-м — все это кризисные следствия одной первопричины — необоснованного усиления национальных валют» (Беляков, Туруев, 2012).

Складывается парадоксальная ситуация, когда национальную финансовую политику определяет Центробанк России, который по Конституции должен следить за устойчивостью национальной валюты, но в действительности выступает простым регулятором, выбрасывая на валютный рынок значительные средства (валютные интервенции).

Очевидная зависимость курса российского рубля от цены на энергоносители ведет к серьезным колебаниям национальной валюты.

Формирование национальной евразийской стратегии неизбежно столкнется в будущем с двумя проблемами, на которые необходимо найти ответ. Во-первых, с проблемой единой валюты будущего Евразийского союза. Опыт российско-белорусских попыток решить эту проблему с 1993 года показывает, что придется столкнуться с серьезными трудностями, хотя выгоды для всех стран вполне очевидны.

Во-вторых, растущая экономика Китая и огромные золотовалютные резервы (ЗВР) этой страны неизбежно приведут к тому, что китайская валюта может стать резервной валютой для Евразии. Не исключается возможность, что КНР попытается вообще заменить в будущем американский доллар на юань, что неизбежно поставит вопрос о будущей валюте для Евразийского союза.

Надо также иметь в виду, что китайское руководство последовательно развивает и укрепляет свое культурное и идеологическое влияние, на которое активно работает экономическая, торговая и гуманитарная политика КНР.

Представляется неверным сводить евразийскую интеграцию и развитие России «на восток» исключительно к экономической выгоде, на чем акцентируют внимание партнеры России из постсоветских республик. Так, гендиректор Информационно-аналитического центра МГУ А. Власов справедливо убежден, что ТС, как и в целом евразийский проект, должен, помимо всего прочего, обладать еще и качеством притяжения для привлечения новых членов. Точно так, как Европейский союз, который расширялся за счет стран Восточной Европы. «Москве важно показать, что Таможенный союз — не только три страны, и что чье-либо вступление в ор-

ганизацию делает этот проект привлекательным», — отметил эксперт (Панфилова, 2012).

Очень важно в этой связи адекватно оценить место России в мире, избрать ясную внешнеполитическую евразийскую стратегию. Эта стратегия неизбежно должна будет вытекать из идеологии правящей элиты, которой придется ответить на многие вопросы, включая вопросы отношения к США и Китаю как странам, претендующим на контроль над евразийским континентом. Для России и ряда других государств это будет означать **идеологический и культурно-цивилизационный** выбор между американским либерализмом, китайским «социалистическим» конфуцианством и **собственной культурно-цивилизационной идентичностью**.

В настоящее время такой идеологический выбор во многом будет предопределен культурно-цивилизационной общностью евразийских государств. Элиты этих стран, как и элита России, за последние десятилетия пробовали ориентироваться на разные системы ценностей, но, можно предположить, что наиболее реалистичный выбор останется за общим культурно-историческим и духовным наследием Евразии. В этой связи необходимо понимать особое значение для активизации и даже самого существования процесса евразийской интеграции развития культурно-образовательных и информационных связей. В конечном счете от этого будет зависеть цивилизационный и идеологический выбор национальных элит и формирование политической идеологии евразийской интеграции. Это значение культуры (в широком смысле данного понятия), очевидно, пока недооценивается политиками.

Отсутствие евразийской идеологии и недооценка социокультурной базы интеграции неизбежно приведут **к появлению** антироссийской и, в конечном счете, антиевразийской идеологии.

Евразия не останется без гегемона, который должен стать сначала идеологическим и культурным лидером на континенте. Только экономического и военного превосходства недостаточно. Это, кстати, хорошо понимают и в США, и в Китае, где продвижение гуманитарных программ и системы ценностей уже давно стало государственной политикой.

И начинать в России следует именно с широкой дискуссии о евразийской идее и евразийской идеологии как **прикладной стратегии** развития РФ и других евразийских государств, как системы взглядов — философских, политических, экономических, военных **на общее будущее**.

В основе идеологии евразийского развития должна лежать некая общая геополитическая идея, ясно иллюстрирующая место России в мире и перспективу национального развития. Сегодня нет недостатка в таких геополитических моделях, по-разному рисующих будущие модели мирового устройства.

На наш взгляд, пытаясь изобразить будущую Россию, можно представить себе карту Евразии — от Лиссабона до Владивостока, куда, вероятно, можно включить Центральную и Южную Азию (исключая Китай). КНР — как самостоятельная цивилизация — всегда будет оставаться центром силы, к которому будут тяготеть страны Юго-Восточной Азии и, вероятно, другие приграничные государства.

Роль Индии пока остается неясной. С одной стороны, огромные демографические и культурно-исторические ресурсы этой страны позволяют ей с полным основанием претендовать на позицию самостоятельного центра силы. Но, с другой, Индия объективно будет противостоять мусульманскому и китайскому миру, с которыми она вряд ли когда-то сможет интегрироваться.

В этих геополитических построениях особая роль, как уже говорилось, принадлежит США и Китаю.

Существует определенная и усиливающаяся тенденция в политике КНР, которую можно было бы назвать стремлением создать «Большую китайскую Евразию». Нынешнюю позицию КНР описал эксперт МГИМО (У) А. Казанцев: «КНР в настоящее время усиливает политику, направленную на формирование зоны свободной торговли (ЗСТ) в рамках ШОС. Однако для России приоритетом должна быть реинтеграция экономик бывших советских республик. Интеграция в рамках ШОС же должна идти намного более медленными темпами в рамках общей политики России по постепенной и частичной переориентации экономики от исключительно европейского направления к связям с регионом АТР как новым глобальным центром экономического роста.

Пока Китай, понимая, что Россия отстает от него в экономическом освоении Средней Азии, политически продолжает признавать за ней неофициальное военно-стратегическое лидерство в регионе. Таким образом, он еще и экономит собственные ресурсы. Как долго это будет продолжаться? Не исключено, что российский евразийский проект, если он пойдет успешно, активизирует КНР на среднеазиатском направлении. Важно отметить в этом плане изменившиеся за последнее десятилетие настроения симпатий среднеазиатских элит. Последние дружно пытаются понравиться Китаю, особенно когда речь идет о новых китайских вливаниях. В настоящее время китайский компонент в Средней Азии, учитывая растущие возможности КНР, рассматривается правящими элитами как один из ключевых в плане получения внешних инвестиций, кредитов, строительства инфраструктуры, развития торговли, реализации энергетических проектов. Важно отметить, что **региональные элиты будут готовы делать это даже в ущерб экономическим и политическим интересам России, если сам Пекин такого обострения противоречий захочет.** Важный момент — наличие двух региональных проектов, в которых Россия играет ключевую роль, а Китай в них не участвует:

ЕврАзЭС и ОДКБ. Формально представители трех организаций (ШОС, ЕврАзЭС, ОДКБ) говорят о необходимости взаимодействия. Однако в реальности оно очень невелико. Китайские представители не раз высказывались и продолжают высказываться в пользу возможности в будущем, через реализацию китайской ЗСТ, **интеграции двух проектов ЕврАзЭС + ШОС. Это неизбежно приведет к созданию «Большой китайской Евразии»**, резкому уменьшению роли России на данном пространстве, угрозе национальных приоритетов России и стран Средней Азии.

Пока курс на расширение своего влияния в регионе Китай строит очень осмотрительно. Дипломатия КНР тщательно стремится избежать конкуренции с Россией, которую она рассматривает не как соперника, а больше как партнера в деле предупреждения усиления позиций Запада. «Большой» российско-китайский договор о стратегическом партнерстве 2001 года косвенно распространяется и на Среднюю Азию, где Китай позиционирует себя как государство, которое признает российские приоритеты в данном регионе, не пытается подменить или выдвинуть РФ. Однако (де-факто) экономические КНР (по объемам инвестиций, числу реализованных инфраструктурных и энергетических проектов за последние 15 лет) серьезно обошла Россию и даже серьезно «ужимает» остающиеся в регионе российские экономические интересы.

Нарастает определенное российско-китайское энергетическое соперничество, особенно после открытия китайского трансазиатского газопровода Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай в конце 2009 года. Объективно, с точки зрения нефтегазовой политики Россия и Китай — конкуренты. Именно Китай разрушил российскую монополию на контроль за транспортировкой среднеазиатских нефти и газа. Более того, КНР использует среднеазиатские ресурсы для ценового давления на Россию. Например, Китай, закупая газ у Туркменистана, оказывает давление на «Газпром» в его намерениях поставлять газ в Китай по максимально возможной цене. А среднеазиатские государства, например, Туркменистан, пользуясь наличием альтернативы, не идут больше на ценовые уступки.

В итоге ШОС — средство сохранить уровень противостояния на «мягком уровне» и не допустить перехода в режим «жесткой конкуренции». Последнее означало бы, что экономические противоречия переросли в **политическое противостояние, а этого допустить не готовы ни Москва, ни Пекин**. Правда, нельзя не отметить, что в рамках российско-китайского партнерства в настоящее время сложилось не совсем оптимальное разделение труда с точки зрения интересов нашего государства. **Москва несет основные издержки по обеспечению безопасности той же Средней Азии в рамках ОДКБ и по противостоянию с Западом за стратегическое влияние. Пекин же, пожиная плоды этой политики России, получает все больше экономических выгод от региона.** В бу-

дущем в рамках российско-китайского сотрудничества в ШОС следует поставить вопрос о том, чтобы КНР все больше вкладывала ресурсы в поддержание стабильности в Средней Азии и Афганистане, так как именно Китай получает от региона основную экономическую выгоду»^{*}.

Как отмечает исследователь МГИМО (У) В. Лукин, «ШОС — молодая организация, успехи которой наиболее очевидны в сфере безопасности: армии государств — членов ШОС организуют совместные антитеррористические учения, в Ташкенте работает региональная антитеррористическая структура, проводятся совместные операции по борьбе с наркоторговлей. Меньше успехов на экономическом фронте: несмотря на обилие документов, реальных многосторонних проектов практически нет.

При этом сегодня ШОС подошла к некоторому рубежу, когда ей надо определяться, куда идти дальше. Однако по этому вопросу между членами ШОС особого согласия нет. Китай в основном заинтересован в экономическом сотрудничестве, создании зоны свободной торговли для лучшего сбыта своих товаров, а также в природных ресурсах региона. Россия хотела бы больше развивать политическое сотрудничество с целью усиления взаимодействия с Китаем в Центральной Азии. В свою очередь, государства Центральной Азии в основном рассматривают ШОС как дополнительный механизм по привлечению инвестиций и финансовой помощи. Их мало интересуют затратные проекты. Особенно последовательной в этом плане выглядит позиция Узбекистана, который не участвует ни в создании Университета ШОС, ни в Молодежном союзе ШОС, ни в других подобных инициативах.

Различное видение перспектив развития организации привело к тому, что ожидавшаяся всеобъемлющая «Стратегия развития ШОС», которую планировалось принять на нынешнем, Пекинском, саммите, вылилась в очень ограниченные «Основные направления».

Впрочем, главным вызовом для ШОС становится развитие процесса интеграции на постсоветском пространстве. Интенсификация деятельности ОДКБ и ЕврАзЭС, Таможенный союз России, Казахстана и Беларуси, перспективы его расширения и создания ЕЭП и ЕАС ставят вопрос о том, как развитие сотрудничества в рамках ШОС будет соотноситься с этими процессами» (Лукин, 2012).

Объективно усиление роли России как «инфраструктурно-транспортного» коридора между Западом и Востоком выгодно всем. И не только странам Евросоюза, но и Китаю, и всем странам АТР.

Не вызывает прямых возражений и особая социокультурная роль России: страны Евросоюза усиленно культивируют собственную идентичность, КНР и Индия — собственную. Странно было бы им

^{*} Казанцев А. Москва несет основные издержки в Средней Азии, Пекин — получает основные выгоды. Эл. ресурс: http://www.mgimo.ru/news/experts/document_226022.shtml

возражать против создания Россией собственной социокультурной постсоветской идентичности. Как справедливо отмечает академик М. Титаренко, «... идея евразийской идентичности геополитического положения России и ее цивилизации имеет, по нашему глубоко-му убеждению, основополагающее значение для здорового развития страны, обеспечения ее целостности и внутренней стабильности, поскольку идея евразийства учитывает исторические корни и внутренние автохтонные и внешние цивилизационные компоненты, в результате синтеза которых сложилась русская культура, ставшая стержнем российской культуры. Ее высокий авторитет сделал ее транслятором и двигателем подъема и расцвета культур малых народов, населяющих Россию, а русский язык — транслятором общения национальных языков, национальных культур всех народов России с мировой цивилизацией...» (Титаренко, 2012).

ЛИТЕРАТУРА

Беляков А., Туруев И. (2012) Критерий — конкурентоспособность. *Независимая газета*, 8 июня. С. 5.

Бжезинский З. (1998) *Великая шахматная доска*. Москва: «Международные отношения». С. 11–12.

Богатуров А. (2004) Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе. *Международные процессы*. Т. 2. № 1 (4).

Бойков В. (2012) В массовом сознании присутствует постоянный стресс. *Независимая газета*, 3 июня. С. 13.

Коновалов С. (2012) Коллективная оборона прирастает Кавказом. *Независимая газета*, 16 мая. С. 1.

Лукин А. (2012) Цена вопроса. *Портал МГИМО (У)*. Доступно на: www.mgimo.ru

Панфилова В. (2012) Киргизию тянут в Таможенный союз. *Независимая газета*, 14 июня. С. 7.

Парамонов В. (2012) Казахстанские эксперты: что не так с внешней политикой России? *Viperson.ru*. Доступно на: <http://viperson.ru>

Сидибе П. (2012) Демократия нужна 3% россиян. *Известия*, 9 июня. С. 2.

Титаренко М. (2012) Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующем мире. *Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы*. Москва: ИД «ФОРУМ». С. 89.